

Схема построения учения о поведении

После всего изложенного мы можем теперь перейти к окончательному разбору интересующего нас основного вопроса, именно того, как мыслится нами построение науки о поведении.

В самом начале мы указали, что до последнего времени не было такой специальной отдельной науки, которая своими данными и положениями давала бы возможность разрешать все вопросы, касающиеся поведения, так что, опираясь на такую науку, можно было бы с полным успехом и точностью понять и объяснить любое поведение, организовывать его и предсказывать.

Там же мы указали, что в то же время издавна существуют ряд наук, которые с разных сторон изучают личность и ее поведение, как например—педагогика, юридические науки, психиатрия и т. п., но, к сожалению, эти науки до сих пор не получили достаточного развития и совершенства. Как мы выяснили в предыдущем изложении, одной из существеннейших причин такого их несовершенства служило то обстоятельство, что в своих построениях эти науки базировались на эмпирической психологии и на связанных с ней явно или скрытно идеалистических тенденциях в отношении взглядов на личность и ее поведение.

Каких же изменений надо ожидать в настоящее время, когда критическая мысль показала всю несостоятельность эмпирической психологии, ее методов, содержания и предпосылок и когда, таким образом, та база, на которой основывали свои построения вышеуказанные науки о поведении, окончательно дискредитирована. Нужно ли думать, что после этого и все эти науки должны прекратить свое существование и будут заменены какой-то новой дисциплиной, которая охватит все их содержание и в одинаковой мере в состоянии будет с успехом разрешить все те многочисленные и разнообразные вопросы о поведении, которые

предъявит к этой науке юрист, педагог, психиатр, социолог, зоопсихолог и т. д. Не требуется, нам кажется, особых доказательств, чтобы отвергнуть такое предположение. Содержание всех этих наук, исследующих поведение, настолько огромно и специфично, что о слиянии их в одну дисциплину наивно было бы предполагать. Все эти науки и в дальнейшем будут развиваться по своему специальному пути, и каждая из них имеет все основания считать себя наукой о поведении. Поэтому, вдумываясь в проблему построения учения о поведении, сразу же приходится прийти к выводу, что это учение не может быть сконцентрировано в одной какой-либо дисциплине, а мыслится, как огромная система дисциплин, дифференцированных по нескольким специальным отделам, и в силу этого исключается возможность какой-либо дисциплине (бывшей или новой) именоваться просто наукой о поведении. Такое наименование ничего не говорило бы о содержании той дисциплины, которая присвоила бы себе это название, так как многие науки имеют одинаковое право по своему содержанию на это наименование и, следовательно, для отличия одной дисциплины от другой требуется такое обозначение, которое четко и определенно указывало бы, каково же специальное содержание той или иной из этих наук, занимающихся изучением поведения. Суть дела, конечно, не в самом только наименовании, а в содержании и задачах. Для успешного своего развития каждая из наук о поведении должна определить свой объем и границы и указать, что в отношении поведения она специально изучает, так как исследовать поведение „вообще“ невозможно.

Здесь позволительно провести аналогию с науками о природе. Можно говорить, что существует *учение* о природе, но оно представлено не одной какой-либо дисциплиной, а целой их системой, в которой каждая, входящая в эту систему наука имеет право называться наукой о природе, но так как каждая из них изучает что-либо специальное, то и свое название формулирует по своему специфическому содержанию, как например: ботаника, зоология, геология, астрономия и т. п. Следовательно, можно говорить, что существует учение о природе (естествознание), представленное циклом наук, но нет возможности присвоить какой-либо из входящих в этот цикл дисциплин исключительное право называться наукой о природе.

На основании этих соображений, мы ставим проблему построения *учения*, а не науки о поведении. Как в прошлом не было такой единой дисциплины, которая позволяла

бы разрешать все вопросы, связанные с поведением, так и в настоящем такой всеобъемлющей дисциплины не может быть, а были, есть и будут многочисленные науки о поведении, изучающие его в разных направлениях. И крушение их базы в лице эмпирической психологии должно привести не к уничтожению их и возникновению специальной науки о поведении, а к перестройке их на новых основаниях и к созданию таких дисциплин, которые с большим успехом, чем эмпирическая психология, могли бы служить фундаментом в их развитии и совершенствовании и выполнять в отношении их роль вспомогательных дисциплин.

В каком же виде следует мыслить эти новые вспомогательные дисциплины, долженствующие представлять собой новую базу для всех тех специальных наук, которые изучают поведение, другими словами — каково должно быть их содержание? Чтобы с успехом выполнить свое назначение, эти вспомогательные дисциплины должны взять на себя изучение таких вопросов, которые являются общими и наиболее основными для всех других наук о поведении (педагогики, уголовного права, психиатрии и т. п.) и если эти последние можно назвать частными или специальными науками о поведении, то первые могут быть отнесены к отделу общих наук о поведении.

Какие же вопросы следует признать одинаково важными и общими для всех частных наук о поведении? К таким общим вопросам раньше всего, по нашему мнению, следует отнести вопрос о том, где искать те факторы, которые обуславливают и направляют поведение в том или ином направлении: обусловлена ли направленность поведения внутренними силами организма, или она зависит от обстоятельств, вне организма лежащих? К таким же общим вопросам надо отнести и вопрос о тех средствах и силах организма, благодаря которым человек вступает в соотношение с окружающей его средой и осуществляет свое поведение.

Те науки, которые мы называем частными науками о поведении, не могут заниматься исследованием этих общих вопросов, так как последние настолько сложны, что, если бы каждая из частных наук стала заниматься их исследованием, то это отвлекло бы их от своих специальных вопросов и поэтому они стремятся получать ответы на эти вопросы от других наук. И если в прежнее время ответы на эти вопросы пытались найти в эмпирической психологии, которая и являлась общей вспомогательной наукой, то теперь с развитием объективного направления в исследовании

личности должны быть взамен ее поставлены новые дисциплины; на них - то и должны, как на вспомогательных науках, базироваться и все частные науки о поведении. К таким общим наукам о поведении и следует отнести все те новые дисциплины, описание которых мы дали раньше, а именно: бихевиористическую психологию, рефлексологию, марксистскую психологию Корнилова, учение об условных рефлексах (учение о высшей нервной деятельности) Павлова.

Хотя все эти дисциплины находятся еще в периоде своего развития, но все же основные контуры их уже достаточно выяснены, чтобы критически их оценить, и мы теперь постараемся установить, какое же специальное место в системе наук о поведении они могут занять. Затем нам нужно также выяснить, могут ли все те вопросы, которые мы отнесли в системе наук о поведении на долю общих вспомогательных дисциплин и которые мы признали основными для всякой частной науки о поведении, быть разрешены одной вспомогательной дисциплиной, другими словами, — можно ли предположить, что вопросы о факторах, обуславливающих поведение и о средствах организма, с помощью которых выявляется поведение, составят содержание и предмет изучения одной дисциплины.

Остановимся сначала на выяснении вопроса о факторах поведения. Где их искать и с помощью каких наук решается этот вопрос?

Те научные течения, которые в своих предпосылках опираются на идеалистическую философию, решают его одним способом, приверженцы же материалистической философии — другим. Идеалист ищет причины поведения в самом человеке, в его свободной воле и сознании, а материалист не может с этим согласиться. Идеализм ведет к волюнтаризму, против чего решительно восстает материализм. Принятие той или иной точки зрения обязательно не только для философа, но и для всякой науки, изучающей личность и ее поведение, так как, только разрешив этот вопрос, эта наука сможет планомерно и систематически, без внутренних противоречий, строить свой предмет.

Из всех наук, изучающих человеческую деятельность, раньше других выступили на борьбу с волюнтаризмом и индетерминизмом науки социологические. Опираясь на принципы материалистической философии и ведя ожесточенную борьбу с идеалистическими уклонами и субъективизмом в объяснении явлений общественной жизни, социологи первые с помощью строго объективного метода подошли к вопросам общественного поведения и установили взгляд

на личность, как социальное существо, детерминированное в своем поведении вне его лежащими объективными материальными условиями среды.

Из всех социологических доктрин, наиболее законченной и систематически выдержанной в объективном материалистическом духе, надо признать марксистскую социологию, известную под именем исторического материализма. Согласно основным положениям этой теории, „общественные явления определяют собой в каждый данный момент волю отдельных людей, и поведение отдельного человека определяется конечным результатом общественного взаимодействия“¹. Сами общественные явления „независимы от сознания, чувства и воли людей“² и в неорганизованном обществе, где нет планомерного производства, они часто не совпадают и даже противоречат стремлениям отдельных людей, в организованном же они будут лишь „выражать“ волю людей, оставаясь в то же время в качестве детерминирующего фактора³. К таким выводам исторический материализм приходит на основании объективного исследования законов общественно-исторического процесса и в противоположность идеалистическим толкованиям устанавливает воззрение на общество, не как на некий психический организм, а раньше всего, как на трудовую организацию, действующую раньше всего, на основе своих материально-производительных средств, а не на основе „общественного сознания“ или духа. И вся духовная жизнь общества является лишь „функцией производительных сил“⁴. Отсюда и вытекает марксистская формула: „бытие определяет сознание“.

Все приведенные положения имеют огромное значение при трактовке интересующего нас вопроса о факторах поведения личности, и, хотя социология непосредственным предметом своего исследования имеет не отдельную личность, а стремится изучать законы об обществе и его развитии, тем не менее те основные положения, которые устанавливает социология, сохраняют первенствующее значение и при изучении поведения отдельной личности, так как последняя является органически-составной частью общества, и ее поведение не может рассматриваться поэтому независимо от общества. Как в отношении общества, так

¹ Н. Бухарин—„Теория исторического материализма“, стр. 32.

² См. там же, стр. 30.

³ См. там же, стр. 30.

⁴ См. там же, стр. 51.

и в отношении отдельной личности раньше всего социология устанавливает наиболее общие и существенные (основные) законы. К этим последним и относятся законы о детерминизме поведения и о факторах, его обуславливающих или направляющих.

Исследованием этих вопросов издавна занимаются общественные науки, и их положения выражены в наиболее общей форме в теории исторического материализма (марксистской социологии), и потому эта дисциплина раньше всего должна быть отнесена к отделу тех общих вспомогательных дисциплин, на которых должны базироваться и все частные науки о поведении. И нет никаких оснований полагать, что те новые дисциплины, которые мы выше перечисляли (рефлексология, бихевиоризм и т. д.), могут взять на себя те задачи, которые составляют предмет социологических наук и, таким образом, заменить их или включить в себя. Их содержание совсем иное и направлено оно к исследованию второго общего вопроса, поставленного выше, как специальной предмет для общих вспомогательных наук о поведении, а именно — они стремятся на основе объективного подхода к личности изучить те силы и средства, благодаря которым человек (и животные) вступает в соотношение с окружающей их средой и осуществляет свое в ней поведение. И хотя в своих предпосылках они рассматривают человеческую личность, как социальное существо, тем не менее это не дает им права претендовать на роль наук, устанавливающих социальные закономерности в поведении. Эти последние они принимают, как обязательные для себя, от наук социологических, сами же они по фактическому своему содержанию должны быть отнесены к естественно-научным дисциплинам, т. е. к наукам, устанавливающим закономерности биологического порядка. Таким образом, в качестве вспомогательных дисциплин в системе наук о поведении должны занять свое особое место как науки общественные, так и естественные, и ни те, ни другие заменить одни других не могут.

Этот вывод чрезвычайно для нас важен, так как некоторые авторы тех новых концепций, которые возникли в результате развития объективного направления в исследовании личности, значительно расширяют и переоценивают значение и возможности выдвигаемых ими учений.

К такой переоценке приходит, например, бихевиористическая психология Watson'a, о которой мы говорили подробно выше, описывая ее содержание и цели. Ошибочность теоретических построений бихевиористов мы видим не только

в том, что они отрицают существование явлений сознания, но и в том, что они выдают свое учение за такую науку, которая должна установить законы поведения, с помощью которых возможно будет предсказывать, регулировать и управлять поведением как отдельного человека, так и всего общества.

Приведем слова Watson'a: „Психология (бихевиористическая), как наука, ставит себе целью разобраться в сложных факторах развития человеческого поведения с детства до старости и найти законы для управления поведением“. И для этого, по мнению Watson'a, необходимо лишь систематически изучать самого человека в его реакциях: как они построены, когда зарождаются, какими аппаратами выполняются, какие реакции выполняются без обучения (инстинктивно), какие требуют научения и т. д. Эти сведения, по его мнению, „дадут нам когда-либо возможность экспериментально (по своему желанию) управлять человеческим поведением, что столь необходимо как для общего управления обществом и его развития, так и для счастья отдельных людей“. С помощью этих сведений можно будет, по его мнению, дать ответы на такие вопросы, как, например: почему люди воюют, почему некоторые лица борются против учения об эволюции и т. п. Watson сетует, что при проведении в жизнь новых крупных социальных реформ не обращаются за советом к эксперту по человеческому поведению.

Из всего этого ясно, что бихевиористы типа Watson'a смешивают в одну кучу и общественные явления и физиологические реакции и полагают, что законы последних применимы для объяснения и первых, и, наконец, что общественное поведение (например, войны) может быть понято на основе систематического изучения личности от младенческих лет до старости и, таким образом, по их мнению, общественные явления зависимы от личности и даже могут регулироваться экспертами-бихевиористами. Нет надобности доказывать всю ошибочность подобных утверждений: несостоятельность их видна всякому, хотя бы поверхностно знакомому с теорией исторического материализма.

Переоценка возможностей бихевиоризма особенно выступает, если обратиться к фактическому содержанию этой дисциплины, хотя бы на примере руководства, выпущенного Watson'ом. Основное содержание этого руководства сводится к объективному изучению реакций человека и их физиологических механизмов и направлено к установлению общих биологических основ поведения, т. е. к выяснению

тех приспособлений организма, благодаря которым организм вступает во взаимодействие со средой и осуществляет свое отношение к ней в той или иной деятельности.

Все эти данные, изучаемые бихевиористами, безусловно имеют несомненную ценность для исследования личности и ее поведения, но они совершенно беспомощны для разрешения явлений общественной жизни. На основе этих знаний ни объяснить, ни регулировать общественные явления невозможно. Чтобы объяснить и воздействовать на такие явления, как войны, революции, преступность и т. п., необходимо подходить к этим явлениям на основе законов, устанавливаемых социологией, бихевиоризм же является наукой биологической, и его претензии осветить с помощью изучаемых явлений и социальную жизнь неосуществимы, а лишь дискредитируют положительную часть этого направления. Основной ошибкой бихевиористов следует считать, следовательно, то, что они недостаточно четко определяют свое положение в системе наук, изучающих поведение, и игнорируют значение социологии, что ведет к тому, что они растворяют социологию в биологии.

Подобные же недочеты мы встречаем и в рефлексологии Бехтерева. Он полагает, что развиваемое им учение не только может осветить поведение с его биологической стороны, но в состоянии установить основные законы поведения человека, как социального существа, и даже основные законы общественной жизни (коллективная рефлексология). При этом, исходя из энергетических своих воззрений, он пытается объяснить как физиологические реакции, так и общественные явления с помощью одних и тех же мировых законов. Однако, подобная попытка должна быть признана неудавшейся фактически и не оправдываема теоретически. Раньше всего, не выдерживают критики энергетические воззрения автора, а описанные им „законы“ социальной жизни — тем более, особенно, если принять во внимание, что устанавливаются они автором не на основании действительного изучения общественных явлений, а лишь на произвольном умозрительном привлечении законов механики и физики к решению социальных вопросов, часто даже на основе лишь созвучия слов (закон тяготения и тяготение населения к населенным центрам). Точно так же и те „принципы“, которые Бехтеревым привлекаются из механики для углубленного объяснения биологических процессов, не только не уясняют, а лишь затемняют сущность явлений. Таким образом, объединить биологию и социологию, личность и общество на основе одних и тех же

мировых законов и в „подобной же форме“ не привели, да и не могут привести к положительному результату. И во всем учении Бехтерева остается положительной и несомненно ценной частью лишь то, что фактически и составляло содержание работ его школы — именно объективное исследование реакций человека и животных и установление их физиологических механизмов. Рефлексология, несомненно, выиграет и укрепит свое значение, если она не будет пытаться выйти за пределы фактического своего содержания, как науки биологической, имеющей своей задачей лишь освещение биологической стороны личности и физиологических механизмов ее поведения.

Руководимая мною школа рефлексологов в Харькове именно так и определяет рефлексологию, как науку, должную изучать биологические основы поведения, т. е. реакции и их физиологические механизмы, и таким определением четко устанавливает свой предмет и свое место в системе наук, изучающих личность и ее поведение.

Кроме рефлексологии имеется ряд биологических наук, исследующих разнообразные биологические стороны личности. Учение о железах внутренней секреции, конституции, наследственности, физиология больших полушарий и вообще центральной нервной системы, учение об условных рефлексах — все эти частные биологические дисциплины дают чрезвычайно важные данные, освещающие вопросы, необходимые для уяснения индивидуальных особенностей в поведении личности.

Рефлексология же, по нашему мнению, должна явиться наиболее общей биологической дисциплиной, которая, пользуясь как данными всех перечисленных дисциплин, а также и собственными исследованиями, устанавливает наиболее общие основные положения, касающиеся биологической стороны личности и механизмов разнообразных реакций, благодаря которым личность имеет возможность как вступать в соотношение с окружающей его средой, так и вывить свое поведение. Сверх того, надо добавить, что раз рефлексология, в отличие от бихевиоризма, признает и субъективную сторону в личности, то она не должна ограничиться исследованием лишь объективной стороны реакций, но должна будет подвергнуть изучению и субъективную их сторону, но в отличие от эмпирической психологии, изучавшей явления сознания изолированно, она мыслит их изучение лишь в связи с обуславливающими их нервно-физиологическими процессами или, согласно формулировке Бехтерева, „в прямом соотношении с объективными данными

и под контролем объективного метода". Но включение изучения субъективной стороны реакций в предмет рефлексологии несколько не должно, по нашему мнению, изменить ее место в системе наук о поведении, и при этом она остается в роли вспомогательной естественно-научной дисциплины.

Определяемая таким образом рефлексология, не претендующая на то, чтобы давать ответы на все вопросы о поведении, а лишь на те, которые касаются биологической стороны личности, не вступает в конфликт ни с социологией, ни с какой-либо другой наукой, изучающей поведение со своей специальной точки зрения (юридической, педагогической), а наоборот — должна явиться существенной вспомогательной дисциплиной для всех этих наук в тех вопросах, где им приходится сталкиваться с биологической стороной поведения, например, при изучении механизмов образования навыков, привычек и т. п. Там же, где эти науки изучают общественные явления, рефлексология бессильна помочь разрешению вопроса и должна уступить место социологии; например, юриспруденция при разрешении вопроса об этиологии преступности, как общественного явления, никаких разъяснений не может получить от рефлексологии, но за то она найдет ее в теории исторического материализма и, на основе положений последнего, создаст уголовную социологию, как одну из частных социологических дисциплин.

Ошибка же бихевиористов и Бехтерева заключается в том, что они пытались как бы вытеснить из вспомогательных дисциплин социологию и создать лишь одну такую общую дисциплину, которая в состоянии была бы взять на себя роль и биологии и социологии. Для выполнения этого бихевиористы, изучающие фактически лишь закономерности биологического порядка (реакции и их механизмы), пытаются распространить последние и на явления социального ряда, не считаясь с тем, что последние имеют свои специфически им только присущие особые закономерности, не могущие быть ни вложенными в биологические рамки и понятия, ни даже выраженными в биологических терминах. Бехтерев же пытался пойти еще дальше и объединить закономерности биологического и социального порядка, подведя и те и другие под законы механики и физики.

Что касается психологии (реактологии) Корнилова, то, поскольку конкретно выставляемые ею цели при изучении поведения также сводятся к исследованию реакций организма

и их физиологических механизмов, то, следовательно, она должна в предполагаемой схеме системы наук, направленных в совокупности к изучению поведения, занять место вспомогательной дисциплины в отделе естественных наук. И, таким образом, ее цели, роль и место совпадают с таковыми рефлексологии, в том виде, как мы определяем последнюю, сообразно ее фактическому содержанию и прodelанным до сего времени экспериментальным исследованиям¹.

Отнесение психологии Корнилова к числу вспомогательных естественно-научных дисциплин тем более имеет основание, что и сам автор в предисловии к своей реактологии² так определяет место психологии: „Наконец, в своих основных воззрениях на сущность психики и в зависимости от этого на место психологии в ряду других научных дисциплин, я держусь категорических взглядов о полном и решительном отделении психологии от философии, которая, по-моему, только тормозила развитие научной психологии и делала ее насквозь умозрительной. Я думаю, что место психологии в ряду естественно-научных дисциплин как по месту ее работы, так и по объекту ее изучения, ибо, с моей точки зрения, то, что мы называем психикой и психическими явлениями, по своему существу, есть ничто иное, как процессы чисто энергетического порядка“.

Таким образом, мы полагаем, что построение учения о поведении сводится к организации системы наук, изучающих поведение с разных сторон. Одни из этих наук исследуют частные, специальные вопросы, другие — более общие и в отношении первых являются вспомогательными дисциплинами. Этими вспомогательными дисциплинами являются раньше всего науки общественные, среди которых на первом месте должны быть поставлены марксистская социология (теория исторического материализма) и, с другой стороны, науки естественные, дающие общие сведения о механизмах и структуре человеческого и вообще животного организма (рефлексология, реактология). Частные же науки, изучая свои специальные задачи, для разработки

¹ Здесь же мы должны оговориться, что не считаем возможным для себя солидаризироваться со всей концепцией школы Корнилова в целом как из-за многих неясностей, иногда же и противоречий, так и из-за тенденции у некоторых представителей этой школы психологизировать социологию, что выражается в попытках выводить закономерности социального ряда из явлений сознания.

² Корнилов — „Учение о реакциях человека“. Издание первое.

одних вопросов опираются на биологические науки, в других же случаях — на социологические.

Но, быть может, в целях облегчения частным наукам пользования вспомогательными, последние возможно было бы объединить в одну не тем путем, которым шел Бехтерев, а путем компиляции содержания основных данных биологии и социологии? Но в таком случае мы, нам кажется, получили бы не оригинальную научную дисциплину, могущую говорить от себя и имеющую свой собственный круг исследований, а лишь тип первоначального справочника или школьного предмета, может быть, полезного для преподавания в среднем учебном заведении, вроде, например природоведения, где излагаются сведения по минералогии, ботанике, зоологии и т. д. Как научная же дисциплина, она не могла бы иметь самостоятельного значения, так как последнее определяется кругом собственных исследований задач. Заняться же одной дисциплине исследованием всех тех вопросов, которые служат предметом исследования социологических и биологических дисциплин, понятно, было бы непосильно.

И вряд ли можно предполагать, чтобы какая-либо частная наука обратилась за помощью к такой компилятивной науке. Надо думать, что она всегда предпочтет получать сведения из первоисточника, т. е. или от социологии или от биологии.

Таким образом, вряд ли можно признать рациональным создание компилятивной науки, хотя, кажется, тенденции к этому имеются у некоторых авторов. По нашему мнению, и социологические и биологические науки, должны сохранять свое самостоятельное значение в качестве основных вспомогательных наук для всех других наук, изучающих поведение.

Но для того, чтобы всеобщее здание системы наук о поведении представляло собой стройное целое и органически связанное, то для этого обязательным условием является необходимость для каждой науки, входящей в общую систему наук о поведении, четко и определенно устанавливать свой собственный специальный предмет исследования, свое место и границы, иначе такая дисциплина, которая просто будет определять себя, как вообще науку о поведении, рискует расплыться в неопределенных очертаниях, переоценить свое значение и не поможет разрешить проблему о поведении, а лишь затемнит ее.

С другой стороны, залогом согласованности и успешного развития учения о поведении должно быть построение

всех входящих в общую систему дисциплин на принципах материализма, детерминизма и материалистического монизма.

Если согласиться с таким требованием, то очевидно, что для эмпирической психологии не может быть места в системе наук о поведении, и ясно почему. Дуализм эмпирической психологии и самый способ, которым она изучает явления сознания (изолировано, вне связи с остальными процессами, протекающими в организме, преимущественно интроспективным методом), приводит к тому, что ее выводы раньше всего бесполезны для всех наук, изучающих поведение, если же принять во внимание ее идеалистические тенденции, то значение эмпирической психологии должно быть признано даже вредным, как науки, в конечном счете приводящей к индетерминизму и тем самым исключающей всякую возможность установить точные законы о поведении. При допущении эмпирической психологии в систему наук о поведении расстраивается вся система из-за внутренних противоречий, и неизбежны конфликты с целым рядом других наук — и раньше всего, конечно, с теорией исторического материализма, как социологической доктриной, наиболее выявляющей в себе идеи материализма и марксизма¹.

Соотношение частных наук (в большинстве случаев также представляемых циклом дисциплин) к вспомогательным или общим можно иллюстрировать несколькими примерами.

Так, например, юридические науки (криминология, уголовная социология, антропология, уголовное право, пенология и др.) изучают специальные виды общественной жизни, так называемые преступления и, наряду с изучением вопросов общего характера (этиология преступлений) уже более близко подходят к отдельной личности, к индивидуальным особенностям поведения правонарушителя.

¹ Отсутствие выдержанности и последовательности в основных предположениях крайне вредно отражается на успешном развитии частных наук; так, например, несмотря на то, что уголовное право уже со времен падения так называемой классической школы строится на началах материализма и детерминизма (школа уголовно-социологическая, так называемая третья школа и особенно социалистическая), тем не менее в своем обиходе до последнего времени сохраняет понятия и термины эмпирической психологии, науки явно идеалистической и роковым образом приводящей к индетерминизму. Такое ненормальное положение и необходимость полного разрыва с эмпирической психологией и замены последней, в качестве вспомогательной дисциплины, рефлексологией отмечены уже современными научными деятелями и уже сделаны первые шаги к исправлению существующего положения. Укажем на интересную работу Г. И. Волкова — „Уголовное право и рефлексология“, в области педагогики — работы Соколянского, Залужного, Арямова, Ермоленко, в психиатрии — Иванова-Смоленского, Ленца, Осипова и др.

И в этом последнем направлении юристу более, чем социологу приходится принимать во внимание явления и другого порядка—именно, такие особенности личности, как конституцию, наследственность, состояние нервно-психического здоровья, возраст и т. п.

Если при изучении общих законов о происхождении преступности в обществе юристу необходимо прежде всего опираться на социологию, то при изучении личности правонарушителя и ее преступного поведения ему необходимо основываться и на данных биологических наук (уголовная антропология, рефлексология). Хотя в происхождении преступности, как общественного специфического явления, биологические факторы (так называемые „личные факторы“) современная юридическая мысль, опирающаяся на принципы материалистической философии, справедливо рассматривает как производные от социальных моментов, называя их „кристаллизованным социальным фактором“¹, тем не менее при изучении самой преступной личности юриспруденция вынуждена опираться на те специальные данные, которые юристу доставляет не только социология, но и биология; особенно же при разрешении таких вопросов, как, вопрос о мерах воздействия на преступную личность (изоляция, перевоспитание, принудительное лечение). В вопросах последнего рода необходимо уже углубленное знание о биологической структуре личности и физиологических механизмах, выявляющих поведение. Естественно поэтому, что одна из основных юридических наук— уголовное право—считает основными для себя вспомогательными дисциплинами уголовную антропологию и уголовную социологию.

Таким образом, юриспруденция, изучающая как законы общественного поведения, так и отдельной личности, являющаяся одной из наук о поведении, подходит к этому вопросу со своей специальной целью и имеет свой особый объект изучения, именно—преступное поведение. И в своих построениях она согласуется как с данными социологии, так и биологии, и не может ни противоречить им, ни их игнорировать, как уже выше было указано, а в свою очередь, пополняя своими выводами те закономерности о поведении, которые устанавливаются другими науками.

Что касается педагогики, то, если под этим термином мы будем разуметь всю ту систему дисциплин, которые в своей совокупности направлены к установлению цели воспитания, основных его факторов, методов воспитания

¹ Немировский — „Советское уголовное право“, стр. 7.

и обучения, то в ее лице мы встретим опять таки специальную научную отрасль, имеющую также право на причисление ее к наукам, изучающим поведение, с своей особой специальной целью и имеющей свое специфическое содержание. Свой предмет педагогика разрабатывает непосредственно сама, определяет свое содержание, оперирует своими особыми, вытекающими из ее содержания, методами, но вместе с тем, конечно, она в своих построениях и изысканиях опирается и на другие дисциплины, как на вспомогательные для себя. В одних случаях она согласуется с науками социальными (например, в вопросе о целях воспитания), в других случаях с биологическими (например, в вопросе о методах организации навыков, пределах нагрузки, утомлении и т. д.).

Психиатрия, поскольку она изучает болезненные расстройства в поведении личности, также может быть отнесена к наукам о поведении, имеющим свой собственный предмет. При этом в своих исследованиях она опирается как на биологические, так и социальные науки. Когда психиатрия устанавливает клиническую картину того или иного заболевания, то для нее важна помощь биологических наук (анатомия, физиология и т. п.), но, когда она исследует вопрос о причинах развития в обществе психопатий, вырождения, то раньше всего ей приходится опираться на науки социальные.

Из приведенных только - что схематических описаний содержания нескольких частных наук, изучающих вопросы поведения, мы видим, что каждая из этих наук должна обращаться за помощью как к общественным, так и биологическим наукам. И совершенно очевидным должно быть, что все те многообразные вопросы, которые возникают при попытке разрешить проблему построения учения о поведении, приводят неизбежно к выводу, что разрешается проблема не в направлении создания одной какой-то специальной дисциплины о поведении. Только целая система частных и вспомогательных наук в состоянии исчерпать полностью предмет, если принять во внимание, что личность в своем развитии и в своей деятельности настолько многообразно обусловлена и сложностью своей биологической структуры и разнообразнейшими условиями среды (воспитание, прошлый опыт, классовая принадлежность, профессия и т. д.).

Мы позволим себе привести еще одну аналогию. Если обратиться к медицинским наукам, направленным к распознаванию и лечению болезней, то и там мы не встречаем

такой одной науки, которая осуществляла бы указанную цель, а огромную группу дисциплин (анатомия, физиология, общая патология, диагностика, частная и общая терапия и т. д.), с совокупной лишь помощью которых врач приобретает такой круг знаний, опираясь на которые, он в состоянии понять болезнь и рационально на нее воздействовать. Так и в науках о поведении не с помощью одной какой-либо дисциплины возможно во всех случаях понять, организовать и предсказать поведение личности, тем более общества, но, опираясь лишь на совокупность дисциплин, изучающих разные стороны вопроса, то в более общей форме, то в каком-либо специальном отношении, возможно получить тот необходимый запас сведений, с помощью которых возможно решать те или иные вопросы, относящиеся к поведению. И для педагога и для юриста необходимо знание не одной какой-либо науки о поведении, но целого цикла дисциплин, опираясь на которые он и сможет разрешать с достаточным успехом те вопросы поведения, которые касаются его специальности. Тем более надо отбросить ходячее мнение о том, что с успехом разбираться в сторонней личности может лишь „тонкий психолог“ (специалист по проникновению в чужую душу), так как оно не имеет под собой никаких достаточных оснований и является лишь отголоском идеалистического подхода к личности.

Содержание

<i>Предисловие</i>	1
<i>Глава I.</i> Развитие объективного направления в исследовании личности и ее поведения	3
<i>Глава II.</i> О термине „сознание“	53
<i>Глава III.</i> Возражения против объективного метода и их критика	68
<i>Глава IV.</i> Схема построения учения о поведении	99

888

ТМЗ-62301702580

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница.	Строка	Напечатано.	Следует читать.
7	4	ἄνθρωπος	ἄνθρωπος
46	24	суб'ективня	суб'ективная
56	29	явлен	явления
"	30	с цифически	специфически
"	31	апелляц	апелляция
57	29	συνεῖδεις	συνεῖδεις
58	под строкой	συνεῖδεις	συνεῖδεις
"	25	об'ективног,	об'ективного
77	29	деятельности	деятельности,
"	3	Bewusstsein	Gewusstsein

